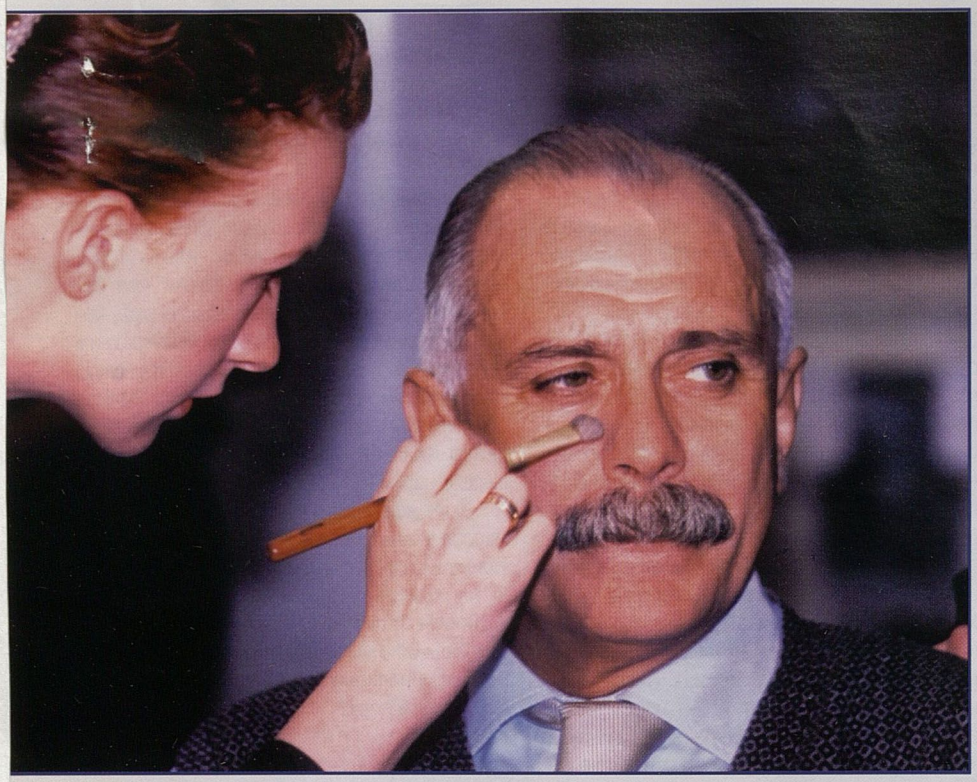
Михалков Никита 99.



Этому человеку, кажется, всегда и везде суждено быть в центре внимания. Славу, пришедшую к нему в прежнюю эпоху, он сумел не только донести до наших дней, но и добавить к ней новый блеск. Все творчество Михалкова — это размышление о душе человеческой и душе России, это опора на традиционные ценности. Почти каждому его произведению присуща некая почвенническая программность, «Обломов» — апология русской духовности,

НИКИТА МИХАЛКОВ: «Я не хочу быть понятным. Я хочу быть понятым»

Фактор (прил. к ж-лу Газовая промышленность). — 1999. — №8. — С. 75–77.

мысль о превосходстве ее над мелким прагматизмом. «Родня» — о драгоценном и необходимом чувстве родства — родства семейного, родства всех нас. Последние фильмы особенно полны сознания собственной значимости и серьезности: это портреты эпохи, портреты России. О своем последнем произведении — «Сибирском цирюльнике» — художник говорит так: «Мой фильм не только и не столько о том, как было, но о том, как должно быть, имея в виду достоинство, масштаб и самодостаточность нашего Отечества».

— Никита Сергеевич, Вы не боитесь, что в «Сибирском цирюльнике» все Ваши государственные идеи заслонит романтическая история о несчастной любви?

— Может быть. Но в фильме и нет идей, связанных с монархизмом или с широкой масленицей. Все идеи «Сибирского цирюльника» связаны с ощущением внутреннего достоинства, не позволяющего человеку спасти свою жизнь и карьеру путем замарывания и вытаскивания на суд общественности имени женщины, которую он любит. И пусть это несколько идеалистично, но именно в этом идеализме мне видится одна из главных черт русского характера.

Что же касается «боюсь»... Я не то, что боюсь, но как-то с изумлением смотрю на людей, которые пытаются в моих фильмах, поступках, словах искать нечто такое, чего в них и в помине не было. «Русский стандарт» — это начало предвыборной кампании... Снялся царем — значит хочет быть царем... Такое у нас мышление! А что делать артистам, которые всю жизнь играют злодеев?

— Но ведь для Вас не секрет, что многие рассматривают «Сибирского цирюльника» как картину «с длинным прицелом»...

— А если я скажу, что сценарий этого фильма мы с Рустамом Ибрагимбековым начали писать двенадцать лет тому назад и десять лет ждали возможности начать его снимать, то какая может идти речь о сегодняшней конъюнктуре? Относительно «длинного прицела» я говорил еще на премьере фильма в Кремле: художника можно судить только по тем законам, по которым он работает, а не по другим. Это не моя мысль, это мысль Александра Сергеевича Пушкина. Если подходить к нашей картине как к политической акции или как к началу моей предвыборной кампании, то вы никогда не почувствуете ни картины, ни того, что мы хотим сказать, ни то, чем хотим жить.

— Тогда самое бесспорное — Вам удалось дать зрителям почувствовать, как прекрасна наша страна, как прекрасна молодость. Кажется, что на этой картине режиссер Никита Михалков и оператор Павел Лебешев работали как живописцы. Вы вдохновлялись картинами старых русских художни-

ков? И еще: как удалось создать атмосферу юнкерского братства?

— Я об этом никому не рассказывал, пока снимал картину... Но, хотите, верьте, хотите, нет — здесь есть вещи мистические. Когда мы с группой приехали в Красноярск на съемки, я пришел в дом-музей моего прадеда Сурикова и уговорил директора музея разрешить мне там переночевать. Пожить вечер, ночь и утро. Посидеть за его письменным столом, полистать его книги, проснуться у него на диване... Я не буду подробно описывать те ощущения, которые я там испытал. Это непередаваемо.

Материалистам меня не понять! Но я сам был изумлен, когда увидел фотографии масленицы из фильма — настолько по внутренней насыщенности это совпало с тем, каким видел этот мир Суриков.

А вообще картину должен был снимать другой, французский оператор. Он уже снял Сибирь — это было очень красиво, но это была его Сибирь. И я понял, что французскому оператору нужно полгода провести со мной, чтобы он почувствовал, как пахнет снег в России. Французский снег пахнет по-другому. А нам ведь предстояло снимать масленицу, Москву, юнкерское училище. И я понял, что должен буду ему объяснять, кто такой Петров-Водкин, кто Кустодиев. И не потому, что он неграмотный человек, а потому, что для русского оператора за каждым этим именем стоит образ.

Что же касается юнкерского братства, то три месяца мои герои жили в Костроме, в военном училище, на казарменном положении. Ходили, как положено, только в форме, их отпускали в увольнения. Соблюдали режим, занимались спортом, утром шли в полковую церковь, потом уроки: русская литература, языки, фехтование, этикет, танцы. Словом, они учили все то, что создавало культурный фон жизни русского офицера.

— Как-то Вы сказали о том, что, по Вашему впечатлению, большинство наших фильмов снимается иностранцами. Что имелось в виду?

— Когда художник берет на себя право разговаривать через экран с миллионами людей, он должен учитывать традиции, в которых эти люди живут. Это первое. И второе: ты должен жить у себя в стране с этими людьми, их жизнью. Иначе действительно создается впечатление, что наше сегодняшнее кино создается иностранцами. Это очень холодное кино: в нем крику много, а настоящего чувства, боли за Россию — нет. А все, что есть в нем шокирующего, унижающего — не случайно. Это и есть борьба божественного с дьявольским в искусстве.

Но такая борьба естественна. Ведь когда рухнула старая система, в обществе стало просыпаться Божественное начало (оно проявилось и в восстановлении храмов, и в движении молодежи к церкви), но зашевелился и дьявол. И здесь нам необходимо спокойно и трезво выяснить, на чьей же мы стороне и для чего живем? Попытка сформулировать национальную идею в нашей стране, одновременно отвечая на вопрос «Как жить?», совершенно бесперспективна. Причем, бесперспективна не только в России, но и вообще в славянских странах. Потому что первый вопрос, который стоит перед всеми нами: «Зачем жить?». И только найдя ответ на этот вопрос, мы сможем найти ответ на вопрос «Как?».

— В чем смысл национальной идеи?

— Сегодня смысл заключается в том, чтобы найти формулировку. Но я абсолютно убежден, что одной из важнейших составляющих частей национальной идеи должно быть такое слово и понятие, как достоинство.

Недавно у меня в связи с этим получился смешной каламбур. Мне задали вопрос: правда ли, что Светлана Аллилуева, посмотрев мои картины «Обломов» и «Механическое пианино», возвратилась в Россию из эмиграции? Я на это ответил: да, но ведь она вскоре уехала... Интересно, что она посмотрела из нашего кино, чтобы опять уехать?

Но если без шуток, то смотрела она бездуховное и беспочвенное кино, которое сегодня снимают. И если в советском кино конфликт состоял между хорошим и еще более лучшим, то в сегодняшнем российском кино конфликт состоит между ужасным и еще более ужасным. И когда человек выходит из зрительного зала, не испытывая хотя бы какого-то удовлетворения от того, что он живет на свете и живет в нашей стране, — этот кинематограф разрушительный.

— В чем Вы видите выход из этого состояния?

— Я думаю, что Сокуров, Иоселиани, Герман логичны только в той стране, где есть «Семнадцать мгновений весны» или «Место встречи изменить нельзя». Потому что без того, чтобы существовал кинематограф, который приносил прибыль (а он был третьим по прибыли в стране после водки и табака) не могли бы существовать ни тот же Тарковский, ни тот же Сокуров. Я убежден, что сегодня должна быть восстановлена утерянная связь с народом через кино.

Хотя меня могут упрекнуть, что я, мол, за массовое кино, за то, чтобы художник работал на потребу зрителю. А на чью же потребу он должен работать?

— Никита Сергеевич, Вы являетесь председателем Союза кинематографистов. Зачем Вам, творческому человеку, нужен этот руководящий пост?

— Мое кредо — человеческое, творческое, художественное — я не хочу быть понятным. Я хочу быть понятым. Мне не нужна власть над моими товарищами. Да зачем и как возможна власть над художниками? Мы все ее достаточно нахлебались в прошлые времена. Но сейчас необходимо в одних руках собрать все чаяния для того, чтобы за них бороться.

Замечательный русский философ Иван Ильин говорил (не помню цитату — передам смысл): обыватель ценит и любит ум и власть, но боится силы и мудрости. А ведь власть может быть подлой, ум — коварным. Сила — это здоровье, а умноженная на мудрость — гарантия того, что она никогда не может быть использована во вред. Сила и мудрость — этот принцип был когда-то основой России.

— На что Вы будете делать ставку?

— Ставка в развитии национального кинематографа будет делаться на интересы народа, для которого он снимается.

— А что не будет сниматься?

— Я не собираюсь вводить запретительных систем на что бы то ни было. Сниматься может все, но не на все будут находиться деньги. Будут приоритеты.

— На что будут находиться деньги? Что будет закрытой темой?

— Таких тем не будет. Если человек сам нашел деньги — пусть снимает то, что ему хочется. Это его право. Другое дело — кто это будет смотреть.

— Не может ли стать обращение к духовности подменой социальных проблем?

— Почему вы думаете, что духовность находится в каком-то отдалении от социальных проблем? Социальные проблемы у нас есть именно потому, что подорвана духовность.

Многие люди это понимают. Пользуясь случаем, хочу сказать несколько слов о Газпроме. Я думаю, что это одна из мощных организаций, которая даже своим фактом существования способствует консолидации

В Газпроме всегда рады встречам со звездами кино и театра.

С известным телеведущим Урмасом Оттом.

общества как внутри нашей страны, так и на всей территории бывшего СССР. Осознавая свою миссию, Газпром всегда стремился поддерживать все то, что мы вкладываем в понятие «духовность», участвуя в различных культурных мероприятиях.

Ведь не многие знают, что именно благодаря Газпрому у нас состоялся один из последних музыкальных конкурсов имени П.И. Чайковского, а театр «Содружество актеров Таганки» смог осуществить свою первую постановку... Этот ряд можно продолжать и продолжать.

— Никита Сергеевич, какие человеческие качества Вы хотели бы видеть в нашем Президенте, и видите ли Вы достойных претендентов на этот пост?

— Что касается конкретных качеств... Для человека, который претендует на президентскую власть, она должна быть крестом и обузой, а не вожделенным мечтанием. И только тот человек, для которого эта власть — крест и обуза, будет ее нести с достоинством. А тот, кто рвется к этому посту, чтобы порулить немножко, — нам не нужен. Относительно претендента... Я не хочу обсуждать этот вопрос, пока по Конституции не будет разрешено его обсуждать. Больше года осталось до избрания нового президента. Всенародно избранный президент жив, решает государственные вопросы, и вступать в общий хор абсолютно безбожного и нерусского визга по поводу того, что дни его сочтены и кто будет следующим, я не намерен.

— Вы всегда считали, что спасение России придет из провинции…

— Кажется, что дальше от Москвы живут собранные люди. Да, сегодня в провинции трудная жизнь, порою нищенская. Но нужно быть слепым, чтобы не видеть, как, допустим, в Костроме, где по несколько месяцев не платят зарплаты, в переполненном зале филармонии люди слушают средневековую музыку в исполнении камерного оркестра под управлением Татьяны Гринденко. Это не попса, не знаменитые певцы, не Киркоров, не Пугачева, а средневековая музыка, да еще нерусская. Конечно, кому–то выгодно представить русского человека как быдло, которому, кроме водки и порнографии, ничего не интересно. Но ложь суетлива, а правда — незыблема. Поэтому и спорить по этому поводу не стоит.

— Ставя во главу угла такое понятие и слово, как достоинство, каким вам видится дальнейший путь современной России?

— Я с надеждой смотрю на тех людей, забастовка которых ничего не значит для материального положения страны и тем более не опасна для власти: на библиотекарей, учителей, музейных работников. Что может библиотекарь? Он же не шахтер, который остановит поток угля; не военный, который может взять в руки оружие. Он всего лишь выдает книги. Но все эти люди за нищенскую зарплату (и даже если ее не будет) все равно останутся на своем месте. То, чем они занимаются, и есть смысл их жизни.

Медленное и тихое движение к истине — вот тот самый консерватизм, который, как мне представляется, может быть единственной дорогой для нашей страны и нашего общества. Ибо консерватизм — это единственное течение, которое имеет абсолютную и неразрывную связь и с прошлым, и с будущим.

Беседовала ТАТЬЯНА СЕМАШКО

Фото ***Бориса Кудрявова*** *и* ***Вячеслава Полунина***